

Д. Н. АЛЬШИЦ

Неизвестные послания Ивана Грозного

В 1571 году вновь повеяли над Русью отравленные ветры чумы. Смертоносное поветрие накатывалось одновременно с юга — из Персии и с запада — из Германии.¹ Опустошительная сила этой эпидемии хорошо видна из челобитья архимандрита Троице-Сергиевского монастыря Феодосия на имя царя Ивана Васильевича, пересказанного в царской жалованной грамоте: «... а сказывал, что у них во всей Троецкой вотчине стало божье посещение: крестьяне от глада и от поветрея вымерли и нынеча, деи, наши посланники нашу дань и кормы всякие, наши подати и пошлыны с пуста емлют. . . деи, у них в Троецкой вотчине осталось ни тридцатого жеребья. . . и нам бы, богомольца своего архимандрита Феодосья с братьею пожаловати: Троецкой отчины сел и деревень с пуста дани и кормов и всяких пошлын имати не велети, до тех мест, до коих мест на те пустые места жилцов не назовут».²

Публикуемый документ наглядно показывает, что борьба с эпидемиями на Руси того времени носила вполне осознанный характер, проводилась как важнейшее государственное мероприятие, направлялась и строго контролировалась из центра.

4 октября 1571 года на Кострому, воеводам, специально посланным туда с войсками — «беречь от поветрея», была направлена царская грамота. Выговаривая воеводам за то, что долго не сообщают ему данных о поветрии, царь в резкой форме напоминает им, что ему нужны систематически представляемые сведения. Его интересует немедленная информация: о количестве умерших; об отношении их числа к плотности населения; о внешних признаках болезни — со «знаменем, или без зґамяни»; о колебаниях силы эпидемической вспышки.

Естественно, что такие сведения царь хотел иметь в Москве не из праздного любопытства. Интерес к ним указывает на то, что, обобщая статистические данные об эпидемии, надеялись выработать, на основании их изучения, новые эффективные меры по борьбе с чумой, сверх тех, которые уже применялись. Царь напоминает воеводам, какие они должны проводить мероприятия в целях локализации эпидемии, ссылаясь при этом на свой «первый указ», к сожалению, до нас не дошедший. Из текста грамоты вырисовываются два основных направления борьбы с чумой: строжайшая изоляция

¹ Ф. А. Дёрбек. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб., 1905, стр. 39.

² Эта грамота ошибочно датирована издавшим ее князем Хилковым 1579 годом, что является результатом недосмотра при переводе даты «7079, марта 17»: вместо 1571 года — напечатано 1579-й (см.: Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879, стр. 160—161).

пораженных болезнью районов и применение огня как решительного средства уничтожения очагов инфекции.¹

Еще более значительный интерес, как нам кажется, публикуемый документ представляет с другой точки зрения. Перед нами еще одно, неизвестное ранее, произведение Ивана Грозного. По ряду признаков можно заключить, что эта грамота не только подписана, но и написана или продиктована царем. Об этом свидетельствует своеобразный стиль грамоты, присущий сочинениям Грозного, и даже самый тон державного окрика, обращенного к воеводам: ² «А ты, князь Михайло, почему к нам о поветрии не пишешь?! А послан ты на Кострому беречь для поветрея наперед Дмитрея и Данила Салтыковых. И ты для которого нашего дела послан а то забываешь, большую бражничаешь, и ты то воруеть!».

В этих словах весь Грозный. Неисполнение государственной службы для него, как обычно, так и здесь, выглядит личным оскорблением, вызывает прилив ярости, которая не мешает ему в следующей же за этим фразе перейти к деловому изложению, а в конце послания прорывается вновь свирепой угрозой: «А будет в вашем небрежении и рознью ис поветренных мест на здоровые места нанесет поветрея — и вам быть от нас самим сожженными».

Несмотря на жестокую реальность этой грозы напрашивается мысль о литературном характере ее происхождения. «... и вам быть от нас самим сожженными», подобно тому как вы там, в Костромском уезде, сжигаете трупы и имущество заболевших, — таков ход мыслей автора этих строк, пришедшего к угрозе — казнить именно сожжением, а не как-либо иначе, — через сравнение. Перед этими словами в грамоте ни разу не говорится ни о каком сожжении. Таким образом, предыдущий текст не давал оснований сказать: «быть вам самим сожженными» — и словосочетание это казалось бы не оправдано и непропорционально. Происхождение этого словосочетания могло быть только таким: когда автор грамоты говорил об эпидемической вспышке в Костромском уезде, перед ним возникали зрительные образы «поветренных мест», где в смрадном безмолвии омертвелых селений трещали костры из трупов и скарба их вчерашних жителей. Зрительные представления о том, о чем шла речь, могли возникать у всякого. Но такая сила образного мышления, при которой почти нет расстояния между образом и реальностью, когда мысль, порожденная образом, тут же принимает конкретно-деловое направление, — это уже не обычное явление. Это характерная, хорошо известная, многократно проявленная черта царя-писателя Ивана Грозного.³

Публикуемая одновременно другая грамота царя, от 21 августа 1580 года, является ответом на донесение воевод из Стародуба о захвате пленных и перебежчиков при отражении набега литовцев. Грамота, приказывающая повесить изменников и доставить в Москву пленных, явно продиктована царем в ответ на зачитанное донесение.

¹ Ср.: А. Ф. Змиев. Наши первые карантинные пункты не там где их искали. «Еженедельная клиническая газета» от 9 февраля 1888 г., стр. 112—113; Н. Новомбергский. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907, стр. 322—323.

² «В массе грамот, дошедших от времени Ивана, и при том данных от лица его. мы встречаем несколько таких, которые как будто стоят на грани литературных произведений и официальных документов» (И. Н. Жданов. Сочинения царя Ивана Васильевича. Сочинения, т. I, СПб., 1904, стр. 85).

³ «Тем и выдаются писания Ивана IV в ряду других памятников старорусской письменности, что в них резко отпечатались личные особенности душевного настроения и характера автора» (И. Н. Жданов, ук. соч., стр. 156; разрядка И. Н. Жданова).

Признавая публикуемые грамоты новыми для нас произведениями царя Ивана, мы считаем уместным по этому поводу еще раз поднять вопрос о желательности начать подготовку издания его сочинений. В распоряжении исследователей их накопилось теперь немало. Все они, хорошо ли, плохо ли — но опубликованы, когда под именем автора, когда без него. Нам представляется, что необходимо, создав сначала полный список сочинений царя Ивана, издать их полностью, так же хорошо, как изданы теперь его послания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

Лета 7080 году на Костроме были для поветрия моровова на заставе князь Михайло Федорович Гвоздев-Ростовской, да Дмитрий, да Данило Борисовичи Салтыковы. А с Костромы были в Свияжском. И от государя грамоты посланы на Кострому.

Список з грамоты от царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси на Кострому князю Михайлу Федоровичю Гвоздеву, да Дмитрею, да Данилу Борисовичам Салтыковым:

«Приехали, есте, на Кострому сентября в 26 день. И того месяца представилось на Костроме семьдесят три человека до двадцать осьмага числа. А того, есте, к нам не отписали подлинно: на Костроме ли, на посаде, или в Костромском уезде; и какую болезнью умерли — знаменем ли, или без знамяни. А ты, князь Михайло, почему к нам о поветрии не пишешь?! А послан ты на Кострому беречь для поветрея наперед Дмитрея и Данила Салтыковых. И ты для которова нашего дела послан, а то забываешь, большая бражничаешь, и ты то воруеть! И как к вам ся наша грамота придет и вы б отписали подлинно, на борзе: уж ли на Костроме, на посаде и в уезде от поветрея тишает, и сколь давно, и с которова дни перестало тишеть? А буде от поветрея не тишеать, и вы б однолично поветренных места велели крепить засеками и сторожами частыми, по первому нашему указу. И сами бы, естя, обереглись того накрепко, чтобы из поветренных мест в неповетренные места не ездили ништо, никаков человек, никоторыми делы. Чтоб вам однолично из поветренных мест на здоровые места поветрея не навезти — розни бы у вас в нашем деле однолично не было ни которые. А будет в вашем небрежении и рознью ис поветренных мест на здоровые места нанесет поветрия и вам быть от нас самим сожжеными.

Да послал, есмя, на Унжю, ко князю Осипу Гвоздеву грамоту. И вы б ту грамоту ко князю Осипу отослали тотчас, не распечатывая.

Писано в Слободе, лета 7080 году, октября в 4 день.

(«Разрядная Книга». Эрмит. собр. ГПБ, № 390, лл. 370 об.—371).

II

... в Стародуб прислана от государя грамота, а в грамоте пишет, — список з грамоты:

«От царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси в Стародуб намеснику нашему князю Михайлу Васильевичю Мезецкому, да Ортемью Ивановичю Колтовскому, да Юрью Пятрову сыну Левонтьеву. Писали, есте, к нам, что приходили на Стародубские места литовские люди и вы за ними посылали с охочими людми, с козаки Федора Шелимова; и Федор за

теми людьми ходил и, дошед, литовских людей побил, а взял у них четыре человека живых: Ивашка Филипова, Фетку Иванова, Яшку Гаврилова да Гришку; и сказал Гришка, что он перебежал в Литву ис Почапа, а был у Кучеслава у Старова; и вы тех мужиков посадили в тюрьму до нашего указа. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б того переметчика да кучанка Старова да Гришку повесели, а Ивашку и Фетку и Якушку прислали б к нам к Москве з детьми боярскими и с россыльщиками, а велели их вести перековав, чтоб з дороги не ушли и дурна б какова над собою не учинили б. Да ты, Юрьй, почему глупаешь, не пишешь ся меньше Ортемья? Нечто будет тебе то зделали Щелкаловы, а мы тебе так наперед Ортемья писатца не велели, и ты б впредь писался с Ортемьям, и делом нашим промышляли вместе со князь Михайлом и с Ортемьем. Писана на Москве лета 7088-го, августа в 21 день.

1 («Разрядная книга». Эрмит. собр. ГПБ, № 390, лл. 594 об.—595).
